

Категория личности в поэтической речи И. Бродского

О. А. Тихонова

В статье на материале поэтических текстов Иосифа Бродского рассматривается категория личности как одна из центральных грамматических категорий, формирующих предикативность предложения. Устанавливается зависимость между характером выражения этой категории в предложении и своеобразием авторской позиции, спецификой структуры лирического текста.

Ключевые слова: категория личности, синтаксическое лицо, предикативность предложения, субъект, предикат, личное местоимение.

Category of Personality in J. Brodsky's Poetic Speech

O. A. Tikhonova

In the article on the material of poetic texts by Josef Brodsky the category of personality as one of the central grammatical categories forming predicativity of the sentence is considered. Is established relation between a character of expression of the given category in the sentence and an originality of the author's position, specificity of the structure of the lyrical text.

Keywords: a category of personality, the syntactic person, predicativity of the sentence, the subject, a predicate, a personal pronoun.

Категорию личности относят к «ядерным» категориям поэтической грамматики, то есть к таким, которые более всего определяют структуру лирического текста, его специфику. «В грамматике лирической речи категория лица вообще является доминирующей, как в эпической речи категория времени. В лирике грамматическое лицо не только создает коммуникативную рамку, но и играет одну из главных ролей в формировании поэтического смысла» [3, с. 109].

Участвуя, наряду с категориями синтаксической модальности и синтаксического времени, в формировании предикативности предложения, категория личности находит материальное выражение в поэтическом тексте. Предикативность предложения всегда устанавливается говорящим, чье присутствие в тексте обнаруживают такие грамматические показатели, как формы личных местоимений и личные формы глаголов-сказуемых. Ю. М. Лотман, рассматривая уровень морфологических и грамматических элементов в поэтическом тексте, говорит об особенно важной роли местоимений в лирике. Отношения местоимений в тексте, по его мнению, конструируют модель поэтического мира, и в то же время содержание самого местоимения часто оказывается в зависимости от всего понятийного (лексико-семантического) строя произведения в целом [6, с. 77].

В книге «Материя стиха» Э. Г. Эткинд [9, с. 97] приходит к сходному выводу: в отличие от обиходной речи, в поэтическом контексте местоимения приобретают большую содержательность. «Разряд местоимений, в узуальной языковой системе не обладающий значительностью,

системой стиха выдвигается на первый план, добавочно семантизируется и укрупняется». Интересно, что и отсутствие местоимения нередко оказывается значимым для формирования смысла поэтического произведения.

Характер и способ выражения категории синтаксического лица выявляет индивидуальность поэта, его мировоззрение и особенности его поэтического языка. Так, в поэтической речи Иосифа Бродского наблюдается совершенно особое отношение к личным местоимениям, что находит объяснение в авторской концепции личности поэта и языка. По мнению Бродского, поэт не должен говорить как личность, как персону, поскольку он лишь функция языка, а язык остается, невзирая на личности. «Писатель пишет, не столько желая рассказать ту или иную историю, сколько под диктовку своего собственного языка. Когда мы хвалим писателя, мы совершаем психологическую или по крайней мере культурную ошибку. На самом деле писатель – механическое средство языка, а не наоборот. Язык отражает метафизическое отношение. Язык развивается, достигает определенной зрелости, а писатель просто оказывается поблизости, чтобы подхватить или сорвать эти плоды. Единственная заслуга писателя – это понять те закономерности, которые находятся в языке. Писатель пишет под диктовку гармонии языка как такового» [7, с. 54].

Иосиф Бродский всегда старается вытеснить местоимение *я* на периферию стихотворения по причине невозможности объективировать себя в категории «*я*»: «*Я* предпочитаю не употреблять «*я*», не говорить от первого лица, а просто описывать то, что есть. Не прозвучать пронзительно

или излишне сентиментально. Я действительно стараюсь деперсонифицировать первое лицо, насколько это возможно. И вам становится виднее: вы – это не просто вы, а фигура в пейзаже» [5, с. 315]. Бродский культивирует самоуничижение, если не самоотрицание: «Это все связано с безнадежным чувством, что вы никто. Это ощущение никогда меня не покидало. Вы принадлежите жизни или смерти, но больше ничему и никому» [2, с. 213]. Он утверждает интеллектуальную трезвость и чувство перспективы: «Что касается человека во Вселенной, то он сам ближе к ничто, чем к какой-либо реальной субстанции» [1, с. 513].

На синтаксическом уровне это выражается в устранении местоимения *я*, обозначающего субъект действия или состояния. Единственным грамматическим показателем категории лица становится личная форма глагола-сказуемого. Устранение *я* происходит в тех случаях, когда поэт стремится избежать центрального положения своего *я*, приглушает его или прячет совсем, выражая себя косвенным путем. Однако отсутствие формального выражения лирического *я* не отменяет наличие субъекта. Значительность душевного события, его символическая значимость, внутренняя связь с другими событиями делает излишним словесное указание на первое лицо: *В мыслях разброд и разгром на темени. Точно царица – Ивана в тереме, чую дыхание смертной темени фибрами всеми и жмусь к подстилке* (1972 г.); *Теперь все чаще чувствую усталость, все реже говорю о ней теперь. О, промыслов души моей кустарность, веселая и теплая артель* (Теперь все чаще чувствую усталость); *Здесь один, между старых и новых улиц прохожу один, никого не встречаю больше. Мне нельзя входить, чистеньких лестниц узость и чужие квартиры звонят над моей болью* (Июльское интермеццо); *Поздравляю себя с этой ранней находкой, с тобою, поздравляю себя с удивительно горькой судьбою, с этой вечной рекой, с этим небом в прекрасных осинах, с описанием утрат за безмолвной толпой магазинов <...> Не жилец этих мест, не мертвец, а какой-то посредник, совершенно один ты кричишь о себе напоследок: никого не узнал, обознался, забыл, обманулся, слава Богу, зима. Значит, я никуда не вернулся* (От окраины к центру).

Отметим, что возможность устранения местоимения *я* зависит от типа предиката. С глаголами восприятия (*чую, чувствую усталость, не встречаю* в значении 'не вижу'), глаголами знания, памяти, чувства (*не узнал, обознался, забыл, обманулся*) *я* не занимает центральное место, так

как смысловым центром становится предмет восприятия, знания, чувства. Лирическое *я* в подобных случаях устремлено к миру и является субъектом восприятия.

При предикатах, имеющих качественно-характеризующее значение, в центре внимания оказывается *я*. Например: *Я входил вместо дикого зверя в клетку, выжигал свой срок и кликуху гвоздем в бараке, жил у моря, играл в рулетку, обедал черт знает с кем во фраке. С высоты ледника я озирал полмира, трижды тонул, дважды бывал распорот. Бросил страну, что меня вскормила* (Я входил вместо дикого зверя в клетку).

В стихах Бродский разработал целую систему масок, прототипов, за которыми надежно укрыл себя. Однажды, вспоминая Роберта Лоуэлла, он процитировал: «Новый современный человек – это нечто вроде Home-Hidden». Это определение – «человек прячущийся» – имеет прямое отношение и к самому Бродскому. Интересно, что местоимение *я* чаще всего используется им в ролевой лирике, когда «*я*» – не «*я*» авторское, а обозначение лица известного (литературный герой, исторический деятель) или лица из определенной социальной группы, к которой автор заведомо не принадлежит: *Кажинный раз на этом самом месте я вспоминаю о своей невесте. Вхожу в шалман, заказываю двести* (Любовная песнь Иванова); *Сегодня ночью снился мне Петров. Он, как живой, стоял у изголовья. Я думала спросить насчет здоровья, но поняла бестактность этих слов* (Чаепитие).

Нередко с этой же целью местоимение *я*, обозначающее субъект действия или состояния, заменяется местоимением 1 лица мн. числа *мы*, при этом *мы* называет обобщенную группу лиц, включающую самого автора: *Зная медные трубы, мы в них не трубим. Мы не любим подобных себе, не любим тех, кто сделан был из другого теста. Нам не нравится время, но чаще – место <...> То не колокол бьет над угрюмым вечем! Мы уходим во тьму, где светить нам нечем. Мы спускаем флаги и жжем бумаги. Дайте нам припасть напоследок к фляге* (Мы не пьем вина на краю деревни); *Раньше мы поливали газон из лейки, в комара попадали из трехлинейки, жука сажали, как турка, на кол. И жук не жужжал, комар не плакал* (Михаилу Барышникову); *Не до смерти ли, нет, мы ее не найдем, не находим, от рожденья на свет ежедневно куда-то уходим, словно кто-то вдали в новостройках прекрасно играет. Разбегаемся все. Только смерть нас одна собирает* (От окраины к центру).

Интересным средством устранения *я* является

метонимическая замена, когда в роли субъекта действия выступает только часть я (голос, язык, слух, тело и т. д.), замещающая целое. Как правило, субъект в этом случае обозначен абстрактным существительным, неопределенным местоимением (что-нибудь, что-то) или местоимением 3 лица. Сравним: *Для рта, проговорившего «прощай» тебе, а не кому-нибудь, не все ли одно, какое хлебо без соли разжевывать впоследствии. Ты, чай, привычная к не-доремифасоли. А если что не так – не осерчай: язык, что крыса, копошится в соре, выскивает что-то невзначай* (Двадцать сонетов к Марии Стюарт); *Правильно! Тело в страстях раскаялось. Зря оно пело, рыдало, скалилось* («1972 г.»); *Но что-нибудь останется во мне – в живущем или мертвом человеке – и вырвется из мира и извне расстанется, свободное навеки* (Приходит март, я сызнова служу); *Что-то внутри, похоже, сорвалось, расколосось. Произнося «о Боже», слышу собственный голос* (Мексиканский романсеро); *Зачем лгала ты? И зачем мой слух уже не отличает лжи от правды, а требует каких-то новых слов, неведомых тебе – глухих, чужих, но быть произнесенными могущих, как прежде, только голосом твоим* (Элегия); *Два всадника [два всадника – тоска и покой. – автор.] скачут в вечерней грязи, не только от дома, от сердца вблизи, друг друга они окликают, зовут, небесные рати за рошу плывут* (Под вечер он видит, застывши в дверях).

Отрицание эгоцентризма в поэзии В. Н. Топоров обозначает как «перволичный аскетизм» [8, с. 556]. Для поэтов перволичный аскетизм состоит в том, что в центре внимания находятся ты (обычно это лирическая героиня) и мир, лирическое же я – по преимуществу тот, кто принимает воздействия из мира. Действительно, в роли субъекта в поэзии И. Бродского чаще выступает лицо, обозначенное формой местоимения 2 лица ед. числа – ты, иными словами, адресат поэтической речи. При этом коммуникация устанавливается даже в том случае, если адресат и адресант разделены временем и пространством: *Ты ожил, приснилось мне, и уехал в Австралию. Голос с трехкратным эхом окликал и жаловался на климат и насчет квартиры, никак не снимут* (Памяти отца: Австралия); *Четверть века назад ты питала пристрастие к люля и финикам, рисовала тушью в блокноте, немного пела, развлекалась со мной, но потом сошлась с инженером-химиком и, судя по письмам, чудовищно поглупела* (М. Б.); *Раньше, подруга, ты обладала силой. Ты приходила ночью, махала ксивой, цитировала Расина, была красивой* (Портрет трагедии);

Ты бредешь, как тот дождь, стороной, вьешься вверх струйкой пара над кофе, треплешь парк, набегает волной на песок где-нибудь в Петергофе (Памяти Геннадия Шмакова); *Постепенно действительность превращается в недействительность. Ты прочтешь эти буквы, оставшиеся от пера, и еще упрекнешь, как муравья – кора за его медлительность* (В следующий век); *Слышишь ли, слышишь ли ты в роце детское пение, над серебряными деревьями звенящие, звенящие голоса, в сумеречном воздухе пропадающие, затихающие постепенно, в сумеречном воздухе исчезающие небеса?* (Проплываю от облака).

Отказ И. Бродского от излишней субъективности сближает его поэтические тексты с текстами эпическими. «Лирика – это речь от первого лица, в то время как в основе эпического повествования лежит третье лицо» [4, с. 7]. Лицо говорящее у Бродского нередко дистанцируется от наблюдаемого, воспринимаемого им, тем самым создавая эффект объективного отображения событий. Объект изображения выступает в этом случае в качестве самостоятельного деятельного субъекта. Однако именно говорящий выражает в слове мир, несмотря на то, что он лишь имплицитно присутствует в поэтическом тексте: *Она сама состарится, сойдет с ума, умрет от печени, под колесом, от пули. Но там, где не нужны тела, она останется какой была тогда в Стамбуле* (Женский портрет); *В прошлом те, кого любишь, не умирают. В прошлом они изменят или прячутся в перспективу* (Вертумн); *Они выбегают из будущего и, прокричав «напрасно», тотчас в него возвращаются: вы слышите их чечетку* (Кентавры II).

Таким образом, характер выражения в поэтической речи категории персональности определен особенностями поэтического стиля конкретного автора. Устранение личного местоимения я, усиление значимости местоимений 2 и 3 лица обнаруживают особую авторскую позицию Иосифа Бродского, а именно: сознательный отказ от излишней субъективности и эгоцентризма, направленность внимания на мир, обращенность к адресату, стремление к диалогу, невозможному в реальности, но устанавливаемому посредством поэтического текста.

Библиографический список

1. Амурский, В. Жизнь – процесс необратимый [Текст] / В. Амурский // Бродский. Книга интервью [сост. В. Полухина] – М., 2008.

2. Бенедикт, Х. Бегство от предсказуемости / Х. Бенедикт [Текст] // Бродский. Книга интервью [сост. В. Полухина]. – М., 2008.
3. Гин, Я. И. Проблемы поэтики грамматических категорий [Текст] / Я. И. Гин // Избранные работы. – СПб., 1996.
4. Ковтунова И. И. Категория лица в языке поэзии [Текст] / И. И. Ковтунова // Поэтическая грамматика. Том I. – М., 2006.
5. Лаутербах, Э. Я всегда ощущал себя свободным [Текст] / Э. Лаутербах // Бродский. Книга интервью [сост. В. Полухина]. – М., 2008.
6. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста [Текст] / Ю. М. Лотман. – М., 1972.
7. Рыбаков, В. Язык – единственный авангард [Текст] / В. Рыбаков // Бродский. Книга интервью [сост. В. Полухина] – М., 2008.
8. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Том II. Три века христианства на Руси [Текст] / В. Н. Топоров. – М., 1998.
9. Эткинд Е. Г. Материя стиха [Текст] / Е. Г. Эткинд.– СПб., 1998.